

Игорь Кецельман

Зоопарк

(из записок перевозчика животных)

В этом произведении представлен обобщенный образ зоопарка.

Автор просит читателей не искать сходства в описываемых событиях с реальными фактами или же с конкретным зоопарком.

Поездка

— Медведь в аэропорту, — сказал директор зоопарка. — Мне звонили, а я забыл. Так ты поезжай, забери.

Такое вот под конец рабочего дня. Лучше бы ты не вспоминал! — подумал я. Да делать нечего, придется ехать. В рот щепотку чая — зажевать, сумку через плечо. Поехал.

Идти нужно было через весь зоопарк. А зоопарк — это клетки, вольеры с животными. Между ними дорожки, по которым ходят посетители и смотрят на животных. То и дело останавливаются то у одной, то у другой клетки.

Я шел по дорожкам мимо диких кошек, овцебыков, антилоп, фламинго, очковых медведей. Я столько раз видел их, что и головы поворачивать не хотелось. Настроение было паршивое. Уже собрался домой, а тут ехать. И еще — посетители навстречу. Они, словно вязкая масса, сквозь которую с трудом пробиваешься. Орущие, бегающие дети. Мама с колясками, которые они все время теряют. Засмотрится на какое-нибудь животное, а коляску укатят... Очередь на пони, очередь за мороженым. Толчея, галдеж. Взрывы хохота у клеток с обезьянами. Столпились и смотрят. Посетители! Как же они надоели!

Лето. Зимой будет полегче. Зимой зоопарк безлюден. Я хожу один по заснеженной территории. Пусто вокруг. Хорошо. А если залезть на крышу дирекции (зимой мы тянули туда телефонные провода), то вдаль можно увидеть настоящий храм с белыми колоннами в ярких лучах солнца. Храм словно парит в воздухе, он приподнят над землей.

— Что это? — спросил я своего напарника.

— Ресторан «Шанхай», — ответил он.

Наконец я вырвался из толпы посетителей, миновал присутственные места и оказался на зоопарковской помойке. Бок о бок — несколько баков из ржавого железа. Из них торчало гнилое сено и несло кислятиной. Рядом с баками, растегнув ширинки, приткнулись двое посетителей. Туалет на ремонте.

Я поспешно прошел мимо. Хорошо хоть не женщины, а бывало и такое.

За помойкой — гараж. Там меня ждал желтенький обшарпанный автобус.

Радость-то какая! Целый автобус дают! Не придется — как в прошлый раз, когда я журавля на метро вез. Пассажиры тогда все спрашивали: «Кто у вас там в коробке шевелится?.. Журавль? И не тесно ему?» «Потерпит. Привезу — выпустим».

Выпускать оказалось некому. Поздний вечер, в зоопарке никого. Только в комендатуре — зеленом деревянном домике — сидел дежурный с милиционерами. Белели халаты двух медсестер из соседнего вендиспансера. Пункт ночной профилактики.

Дежурный в защитном камуфляже стоял посреди улицы и оставался проезжавшие такси: «Водка есть?» Неохота ему было тащиться к метро, где киоски.

— Чего там у тебя? — спросил милиционер.

— Журавль.

— Подожди, сейчас дежурный подойдет.

— А где молодой человек ночевать будет? — заинтересовалась одна из медсестер. Она говорила медленно, пьяно растягивая слова.

— Домой поеду.

— Ну-у, ночью ехать. Давай мы поближе тебе что-нибудь найдем.

Но тут появился дежурный с водкой и ее внимание переключилось.

— Врачей уже нет. Сам занесешь в карантин? Или здесь оставишь?

— Занесу.

Я шел по темным дорожкам зоопарка. Фонари не горели — их не было. Ночные прогулки в зоопарке не предусмотрены. Коробку я держал в руке и чувствовал, как внутри переступает журавль. Со всем рядом в темноте были вольеры, клетки. Там животные. Но их и не слышно. Только где-то над головой шумели листьями деревья.

Вот и ветеринарный пункт, он же карантин, — над входом горит красная лампочка. Я с трудом, путаясь в ключах, открыл дверь, в темноте нашел круглые наощупь выключатели и повернул все разом.

Зажегся яркий свет. Большой зал с серым плиточным полом и белыми кафельными стенами был заполнен клетками с животными: попугаи, маргитки, белки. Свободных клеток не видно.

Я опустил коробку на пол. Пусть постоит. Утром выпустят. На всякий случай прикинул в уме: так, завтра не суббота и не воскресенье. Рабочий день. Дольше ночи не простоит. «Чао, бамбино!»

И погасил свет. Запирая дверь, я слышал, как журавль возится в тесной коробке, толкается о стенки.

В темноте возвращался обратно. Впереди маяком светилось окно

комендатуры...

Это тогда было, с журавлем. А сейчас, за медведем, меня отвезут и привезут. Из желтого автобуса навстречу идет водитель, улыбается:

— Что, в аэропорт? — Приветливо тянет руку. И качается.

Да ладно. Ничего. Не в первый раз.

Медведь был — медвежонок. Камчатский. Сидел в картонной коробке, перевязанной шпагатом, и жалобно ныл. Еще бы, посиди несколько часов на солнцепеке... Рядом никого. Летчикам, через которых его передали, как с проводниками на поездах передают вещи, надоело ждать, и они уехали, оставив медвежонка на асфальтовом бордюричке возле здания аэропорта. Верх коробки был мокрый, темный от воды. Попойте решили, сердобольные!

Размокшие половинки картона разошлись, едва мы подняли коробку. Я в одиночку пытался удержать животное (водитель, увидев, как обстоят дела, быстренько перебрался к себе, за плексигласовую перегородку), придавливал размокший картон, поправлял сползший шпагат, но все было напрасно.

Медвежонок вылез из коробки, когда автобус уже ехал. Вылез и бросился к задней двери. Она была неплотно прикрыта, вместо замка примотана проволокой. Оставалась широкая щель, и сквозь нее был виден лес. Медвежонок прижался к щели и завыл. Я сидел на подпрыгивающем сиденье и оценивающе смотрел на животное. Уже не маленький медвежонок. Подросток.

Вообще-то мне следовало бы сойти. Пусть водитель сам добирается. Но тогда жди рейсового автобуса, битком набитого, и целый час трясись в нем до метро. Неохота.

А-а!.. Пронесет.

Сначала я еще посматривал на медвежонка, сидевшего у двери и временами начинавшего тихо, жалобно ныть. Словно ребенок хнычет. Жалобные интонации окончательно меня успокоили: куда ему, слишком напуган. И я спокойно повернулся к окну. Там, за стеклом, по-прежнему был лес, до города оставалось далеко. Одинокие деревья на обочине. Словно они из леса выбежали и вдруг остановились, замерли от неожиданности, увидев машины. И всё провожают их удивленными взглядами. Постоят вот так немного и дальше побегут.

А там, где лес редел, было видно красное закатное небо. Небо в густом румянце.

«Красиво как!» — однажды вырвалось у водителя, молодого парнишки, с которым я возвращался из очередного аэропорта.

«Что?» — оторвался я от своих мыслей.

«Небо какое красивое, — повторил парень, качнув головой в сторону, вон же!»

«Да, красивое», — согласился я. И подумал: «Надо же, закат еще видит. Небо красивое! Не разучился замечать. Ничего, подожди...».

Как же его звали, этого парнишку? Не вспомнить. Сколько их поменялось, водителей. Один я все езжу и езжу.

Автобус мчался, подпрыгивая на неровной дороге. Держась рукой за сиденье, я смотрел в окно на лес и закатное небо в просветах деревьев. Сзади снова завозился медвежонок. Я быстро обернулся. Все спокойно, он там же, у задней двери. Просто повернулся с боку на бок. Ничего, медвежонок, сейчас приедем на ветпункт, выйдет человек с мешком и засунет тебя в него. (чтобы ты когти в ход не пустил.) Мешок через плечо — и пошел.

Так маленьких детей пугали: «Украдут тебя, посадят в мешок и унесут. И никогда больше мамы и папы не увидишь!» Все правильно, ведь медвежонок украли у мамы-медведицы — убили ее, а ребенка забрали. (Убили — чтобы дитё не искала.) Украли, так как же без мешка обойтись!

Когда мы приехали в зоопарк, там уже, понятно, никого не было. Ветврачей никто не предупредил. Я посмотрел на медвежонка: что ж, мешок откладывается до завтра. Наклонился к водителю:

— Загоняй машину в гараж, никуда зверь из автобуса не денется.

В гараже было темно и пахло бензином. Медвежонок беспокойно завозился в автобусе, когда остался внутри совсем один. Ничего, до утра продержится. Я помог водителю задвинуть тяжелую дверь гаража. Повесили замок и ушли, провожаемые отчаянным воем запертого зверёныша.

Медведь

Когда ей накладывали жгут, девочка сидела белая как мел и молчала. Боль еще не пришла. А женщина, начальница секции, первая подоспевшая на ее крики, все спрашивала:

— Ты зачем к медведю полезла? Надписи не читала?

— Я ему носик хотела погладить. Он у него такой коричневый, хорошенький, — призналась девочка.

Женщина с жалостью на нее посмотрела.

Подошел служитель, принёс в целлофановом пакете оторванную по локоть девочкину руку.

— Ф-фу, еле отобрал, так вцепился — ни за что!

Подъехала «скорая» и девочку увезли.

Медведь беспокойно ходил вдоль решетки взад и вперед. Маленькие глазки зло поблескивали. У него отобрали добычу. Он не только руку, он всю девочку хотел втянуть к себе в клетку, протаскать сквозь прутья. Но промежутки слишком узкие. Не пролезла! Ему досталась только рука. Уже в который раз!

На счету медведя было семь откушенных рук посетителей. Он специально ложился поближе к решетке и притворялся дремлющим на солнышке. Животное знало, по опыту знало, что рано или поздно

какой-нибудь любитель, обманутый добродушным видом мирно спящего мишки, захочет его погладить... И тогда будет очень интересно.

Реакция, скорость движений у медведей неожиданно быстрые. Стоило просунуть в клетку руку, и он в мгновение вцеплялся в нее зубами, тащил человека к себе. Вырваться невозможно. У медведя была цель, которая придавала смысл его жизни, скрашивала однообразное существование в тесной клетке. Он охотился на посетительей.

Его не наказывали. На все претензии в зоопарке отвечали: «Чем несчастное животное виновато? Это его нормальное поведение. Он хищник. Сами виноваты посетители. На клетке табличка «Животное опасно!». Перед клеткой барьер, на нем надпись: «Не перелезайте!» Так нет, перелезают и ещё руки в клетку тянут. Посетители тупые!»

Руку девочке пришить не удалось: так была раздроблена, изжевана медведем. Девочке было тринадцать лет.

Удалось пришить ногу мальчику, который на следующий день пнул медведя. Отомстить решил. Медведь радостно вцепился в ногу... На этот раз рядом оказались люди. Вовремя отобрали оторванную ногу, животное не успело ее измочалить. Наложили жгут, подскочила «скорая»... Ногу спасли.

На третий день после этого случая в зоопарк забрел еще мальчик. Мальчику было весело. Он шел, что-то про себя напевая, и беспечно смотрел на зверей в клетках. В одной и увидел одинокого медведя, грустно глядящего из-за решетки. Мальчик достал из кармана конфету, развернул бумажку, снял серебряную шуршащую фольгу и протянул конфету медведю.

Мальчик отделался легко, всего одним пальцем. Тут и пришивать было нечего: медведь успел палец проглотить. Вместе с конфетой.

Столько случаев сразу, один за другим!

Угрозы родителей подать в суд заставили зоопарк принять меры. Клетку с медведем затянули мелкоячеистой железной сеткой. Теперь ни руки, ни ноги не просунуть.

Медведь потерял смысл жизни...

Эти ненавистные посетители!

Гепард

Гепард перепрыгнул через решетку зимой. И прыжками понесся прямо на двух мальчишек, остолбеневших от неожиданности...

А сажали гепардов в новую вольеру летом. Зеленая лужайка, желтый деревянный домик. Лучше — чем в клетке. Только вот ограда низковата.

В первый день, пока гепарды осматривались на новом месте, бро-

дили по полянке, недоверчиво обнюхивали траву, директор вместе с сотрудниками стоял у вольеры и ждал. Выпрыгнут или не выпрыгнут? И ружья у них были. На всякий случай.

Тогда все обошлось. Гепарды побродили по вольере, обследовали все закоулки и мирно улеглись на травке. «Нормальная ограда», — решил директор. И ушел.

А зимой один из гепардов влез на дерево, что росло возле ограды, и спрыгнул наружу. Ошалев от свободы, огромного пространства, в котором не натыкаешься постоянно на решетку, он неся по зоопарку. Мальчишки, что оказались на его пути, в последний момент опомнились и успели спрятаться под скамейкой. Животное промчалось мимо. Сотрудники зоопарка в телогрейках высыпали на улицу. Надо было загонять гепарда обратно. Длинноногое животное гигантскими прыжками носилось по заснеженным дорожкам зоопарка. Испуганные посетители шарахались в стороны и все спрашивали пробежавших мимо сотрудников, выход из зоопарка где. Зоопарковцы с ненавистью на них смотрели: «Зима же! А эти все равно притащились!»

Наконец гепард наткнулся на внешнюю стену зоопарка. Через нее не перепрыгнуть. Он сидел на задних лапах, спиной к стене и удивленно смотрел на своих преследователей, временами тряс головой, совсем как человек, который не верит своим глазам. Пятнистая такая кошка на длинных ногах.

Зоопарковцы стояли напротив и ломали головы, как же загнать гепарда обратно в вольеру.

— А он как охотится, зубами? — встревоженно спросила одна из сотрудниц.

— Да нет, он лапой убивает, — авторитетно объясняли ей.

Девушка испуганно отступила за спины мужчин. Зато другая — биохимик зоопарка — в распахнутой телогрейке отважно пошла вперед, прямо на животное. Гепард подался назад и уперся в стену. И зарычал.

Девушку оттащили.

— Он же на тебя сейчас кинется, ему больше деваться некуда, люди вокруг. А ну-ка отойдите! — велел всем коренастый рыжебородый мужчина.

Когда все отошли, он подкрался к гепарду сбоку и хлопнул в ладоши. В морозном воздухе хлопок прозвучал неожиданно громко.

Гепард сорвался с места. Он боялся громких звуков.

Так, всего лишь хлопая в ладоши, его и погнали в направлении гепардятника, не давая отскочить в сторону. Так они и бежали: впереди гепард, а за ним — аплодируя — зоопарковцы.

На следующий день ограду вольеры нарастили.

Манулы

— Нам сегодня манулов из Монголии присылают. Ты их привези, — сказали мне в дирекции.

— А кто это?

— Да дикие кошки. Очень редкие. Монголы их поймали у себя в степи и часть нам, часть в зоологический институт передают.

— Ладно, — сказал я, — привезу.

Встречать манулов нужно было в аэропорту, в пассажирском зале.

Наша машина свернула с шоссе, и вскоре впереди показался аэропорт — высокое здание кофейного цвета; и стекло, и бетон — все кофейное. Оставив машину с водителем на обочине дороги (к самому аэропорту грузовики не допускались), я пошел в нижний зал прилета. Передо мной автоматически разъехались стеклянные створки дверей (иногда они разъезжались, иногда нет; и тут можно было набить себе на лбу шишку), и я очутился внутри. Тускло освещенный зал ожидания, скамейки, заполненные пассажирами. Я пробрался к табло и нашел нужный рейс. Да, уже прибыл. Правое крыло зала.

Я подошел к дверям, через которые должны были выходить пассажиры, и спросил толпившихся у дверей встречающих:

— Из Улан-Батора еще не выходили?

Откликнулась высокая девушка в очках:

— Вы из зоопарка?

— Да. А вы из зоологического института?

Она кивнула:

— Сейчас манулов вывезут. Я уже издала, у таможенных стоек их видела.

— Манулов?!

— Да нет, наших аспирантов из Монголии. Они с собой манулов везут как личное имущество.

Я облегченно вздохнул: «личное имущество» означало, что мне не придется тратить несколько часов на таможенное оформление животных. Настроение сразу улучшилось. А в это время из дверей показались два молодых монгола, толкая перед собой тележки, нагруженные небольшими ящиками. Всего было восемь ящиков, в каждом по манулу. Шесть предназначались в зоопарк. Я раздобыл еще две тележки, и мы повезли животных к машине.

Монголы и девушка были разочарованы, увидев вместо ожидаемого автобуса грузовик. Они рассчитывали, что я подброшу их до города.

— Извините, ребята, автобус забрали под шведскую делегацию из Стокгольмского зоопарка. Катают шведов по городу. Культурная программа.

Аспиранты, захватив два ящика, уныло поплелись на остановку

рейсового автобуса. А мы с водителем ящики с манулами поставили в кузов. Одну тележку водитель тоже закинул в грузовик — «пригодится», — остальные мы побросали на обочине. Кому нужно, подберут!

Приехали в зоопарк уже вечером. По доброй старой традиции животных никто не встречал. Да и не собирались встречать. Заведующий отделом, высокий лысый мужчина, сказал мне:

— Когда привезешь манулов, ты их из ящиков в клетки пересади. Они очень долго в пути, боюсь, как бы за ночь не подошли.

Я ничего не ответил, промолчал. Потом можно будет сказать, что не расслышал. Как же, буду я полночи ковыряться! Завтра с утра, — снова в путь-дорогу: обезьян в аэропорт везти. Если так любят животных, так за них беспокоятся, пусть сами встречают! Встречают и пересаживают.

А ветпункт встретил меня птичьим щебетом. Свет зажег — они и защebetали. Весь карантин был заставлен клетками с птицами. Таможенники где-то конфисковали контрабанду и передали зоопарку. Самим-то держать негде.

Я занес ящики внутрь. Потом присел перед ними, заглядывая в затянутые проволочной сеткой окошки. До этого просто не было времени посмотреть — какие они, эти новые кошачьи.

На меня ответно уставились немигающие желтые глаза. Круглые кошачьи мордочки с толстыми щечками. Манулы. И где-то там дальше, мне рассказывали, должны быть и толстые хвосты. Пока не разглядеть.

Я проверил каждый ящик. Все звери живые, не вялые. Ничего с ними до утра не случится.

Потушил свет и запер дверь ветпункта. У метро распили с водителем бутылку портвейна. И — до завтра!

Утром я зашел в дирекцию за документами.

— Здравствуй! — поприветствовал я своего начальника отдела (мы давно вместе работали и были накоротке). — Ну как там манулы, живы?

— Еще как живы! Драться лезут, — ответил тот, поглаживая гладко выбритый подбородок. — Мне сейчас из секции звонили: они девочке-лаборантке, которая их пересаживала, всю руку исцарапали до крови.

Я улыбнулся:

— А так бы — мне. И кто бы сейчас с обезьянами поехал?

— Тоже верно, — согласился начальник, склоняясь над бумагами. На чём мы и расстались.

А через пару месяцев я узнал от него, что манулы-то, оказывается, кошачьим СПИДом инфицированы.

— Это ещё что за спид?

— Да то же, что и человеческий. Бьет по иммунной системе. Не-

излечим. Говорил я нашим — не надо брать! Манулы все дикие, из природы, кто знает, какой пакости нахватались? Так нет: «Редкие животные, украсят зоопарк». Вот теперь им ничего, а мне отвечать.

— За что?!

— А ты не в курсе? Девочка, которую манулы исцарапали, тоже заразилась.

— Это точно?

— Точно, — уныло кивнул начальник. — Мы для проверки в Англию образцы крови посылали — и манулов, и девочки. Вчера факс получили: у всех кошачий СПИД. Что делать, не знаю, — говорил он и куда-то в сторону смотрел.

В кабинет зашла его заместитель — низенькая полная женщина в очках. Начальник, потирая лысину, повернулся ко мне:

— У тебя все?

Уже у вольеры с овцебыками я вспомнил про письмо на таможеню. Надо его подписать. Я вернулся, но не стал заходить — сквозь открытую дверь кабинета, показалось, донеслось мое имя. Прислушался.

— Несовершеннолетняя, семнадцать лет! — сокрушался начальник отдела.

— Да, — вздохнула заместитель, — такая молодая...

— Не молодая, а несовершеннолетняя! — перебил ее начальник. — И я опять отвечаю! Нет бы кто другой пострадал! Взрослый, — тут он и помянул меня, — даже если бы заразился, считалось бы как производственная травма. Инвалидность бы потом оформили. Просили же его: пересади манулов! Отказался. А за несовершеннолетнего меня теперь под суд?

Я отступил от двери. Ну и ну! Много я повидал в зоопарке, но это уже новое.

Потом были поездки с леопардами, потом поездка за змеями, еще и еще поездки. Хмурые таможенники, крокодильчики, разбегающиеся из ящика, который меня заставили вскрыть: «Не даешь рентгеном просвечивать? Вскрывать!»

Кладовщица, которая ни за что не хотела принимать на самолет белого медведя — перегруз тридцать килограммов. «Ну что мне, от медведя отрезать, что ли, эти тридцать килограммов!» — кричал я. И в ответ откровенное: «Сколько дашь?» «Ну, нет у меня денег вам заплатить — мы бюджетная организация, — ну, нету!»...

История с манулами забылась. Почти забылась. Червячок остался: как там эта девочка? Вместо меня ведь... Давил в себе это. Я причем? Проскочил — и слава богу. Но червячок оставался...

Через год я не выдержал и решил зайти в секцию, где работала заболевшая.

— Она у нас не работает, уволилась.

— Давно?

— Давно, нас еще здесь не было, — отвечали мне две женщины в синих матерчатых комбинезонах и резиновых сапогах, готовившие корма для животных.

— А остался кто-нибудь, кто с ней работал?

— Наверно, наш зоотехник, но она в декретном отпуске.

Я пошел в дирекцию, к начальнику отдела.

— Какая девочка? — удивился тот.

— Ну которая кошачьим СПИДом заразилась. Сам же мне рассказывал!

— Не помню, — отвечал он, пожимая плечами. — За этот год столько всего приключилось, что и не упомнишь.

Начальник с недоуменной улыбкой смотрел на меня. Взгляд был прямой и открытый. Почти по Горькому: а была ли девочка?

«Наверно, не было», — решил я. И поехал в аэропорт...

Вскоре зоопарк сделал манула своей эмблемой. Теперь на всех официальных бумагах, на рукавах курток сотрудников красуются толстые кошачьи мордочки.

Символ зоопарка...

Вахтер Роман

В воскресенье я дежурил в дирекции. Никаких особых обязанностей, только на звонки отвечать.

А звонки были дурацкими.

Какой-то чудака хотел поскорее заполучить для музея скелет недавно павшего слона.

«Да подождите немного, директор подойдет, с ним и поговорите». «Нет, я по опыту знаю: скелет ждать не будет», — опечалился говоривший и повесил трубку.

Бесцеремонные телевизионщики пытались вызнать у меня домашний телефон пресс-секретаря зоопарка, утверждая, что знают ее с детства. И тут же спрашивали: «Кстати, как ее зовут?»

Наглый народ! Хотя среди журналисток встречаются симпатичные. Как та, с телевидения, что все допытывалась у меня во время очередного дежурства: «А правда, что ваш директор в молодости работал таксистом?»

Девушка собирала компромат на директора зоопарка. У него появились враги, когда он собрался баллотироваться в депутаты.

«Нет, таксистом наш директор не работал, — заверил я. — А вот швейцаром в ресторане — да, был».

Подробности заинтересованной журналистке я обещал рассказать при личной встрече. Назавтра, в кафе. Но так и не узнал, пришла ли девушка на встречу, потому что я — не пришел. Из Китая прилетели тигры, и мне пришлось ехать в аэропорт встречать их.

От воспоминаний меня оторвал новый звонок. Детские голоса —

перебивая друг друга: «Позовите Мишу». «Какого Мишу?» — не понял я. Смех: «Как какого? Косолапого». Я: «Ну так приходите в зоопарк. Медведя покормить дам. С ладошек».

И вышел в коридор. Подальше от телефона.

А тут взгляду не на чем остановиться. Голые стены. Единственное украшение — знакомый до одури план нового будущего зоопарка. На нем штрихами и пунктирами нанесены вольеры и клетки, сплошным зеленым — парковые участки. Тоска зеленая.

Внизу хлопнула дверь, послышались тяжелые шаги на лестнице, и в коридоре появился грузный пожилой мужчина, одетый в черное потертое пальто.

«Роман, работает вахтером», — вспомнил я. Часто видел его, когда привозил животных. Наш грузовик останавливался у запертых ворот, водитель гудел, и из зелененького домика у проходной появлялся Роман, спускался с высокого крыльца и открывал нам ворота. А потом закрывал.

— Здравствуй, Роман!

— Здравствуй! — ответил тот, переводя дыхание. Видно, запыхался, поднимаясь по лестнице. — Директор у себя?

— Его пока нет, но есть заместитель.

— Пойду к нему.

— А что случилось?

— Жаловаться буду. Охранник наш лезет и лезет. Покоя нет.

— Пристает?

Роман улыбнулся:

— Думаешь, с этим? — он сделал руками движение, будто кого-то на что-то насаживал. — Нет, что ты! Разве не знаешь, директор запретил нашим гомосексуалистам этим в зоопарке заниматься. На работе — ни-ни! Слово с них взял.

— А на что жаловаться хочешь?

— Да издевается он! Еду из дома принесу — спрячет. На табурет присяду — столкнут норовит. И все с подковырками. Хочу, чтобы директор ему сказал: «Романа не обижай!» Так директора, говоришь, нет? Ну, пусть заместитель. — И он, тяжело дыша, пошел дальше по коридору.

Вскоре я вспомнил эту встречу.

— Романа, вахтера нашего, знаешь? — спросил меня маленький лысоватый водитель во время очередной поездки в аэропорт за животными.

— Знаю, видел недавно.

— Ну удивил он меня! Встречает у проходной и просит: «Можно я у тебя дома двадцать третьего февраля посижу?» Я сначала подумал, отметить со мной хочет. Так он непьющий. Ни капли. Стал спрашивать: что такое? Роман сначала отмалчивался, а потом рассказал, что на днях в дирекцию ходил...

— В воскресенье, — подсказал я.

— Наверно. И там заместитель директора предупредил его: «Двадцать третьего февраля будьте, Роман, осторожней. В Москву приезжают семьсот тысяч боевиков «Памяти». Будут устраивать еврейские погромы».

Роман-то у нас еврей. Вот он у меня и решил спастись. «Я тебе совсем не помешаю, — просит, — посижу где-нибудь в уголке, книжку читаю».

«Приходи, — говорю, — только зря опасаясь, вздор тебе сказали, никто вас, евреев, бить не собирается». Уж у меня какие только знакомые ни есть, а ни от кого я не слышал, чтобы идти и громить!

А тот все свое: «Ну, можно я у тебя посижу?»

«Да приходи, сиди, я же не отказываю. Только, если так боишься, уезжать тебе надо. Родственники-то, наверно, есть за границей?»

Головой кивает: брат у него в Америке.

«Вот и езжай к нему».

«Не могу, — отвечает, — я слово директору дал. Он меня похоронить обещал».

Не понял!

Оказывается, когда Роман пришел на работу устраиваться, директор его спросил: «Уезжать из страны не собираешься?» Это еще до перестройки было. «Да нет, пока не собираюсь». «Пока — не годится, — говорит директор. — За тебя с меня спросят. Или обещаешь, что не уедешь, или не работаешь. Или слово, или работа».

Роман: «Но я же здесь совсем один остаюсь. Похоронить некому будет!» Директор ему и говорит: «Не бойся. Умрешь — похороню». Тогда Роман и пообещал: «Не уеду». Слово дал.

«Чудак ты, — говорю Роману, — это же когда было? При советской власти! Сейчас директора твое слово не колышет. Да если бы у меня брат в Америке был — я бы и секунды не думал. Езжай!»

А Роман все свое: «Нет-нет, я слово дал!»

— Ну и что, приходил он к тебе на двадцать третье? — спросил я.

— Пришел. Действительно, с книжкой. «Я посижу?» «Сиди сколько хочешь». «Нет, нет, я до вечера только». «Чай попьешь?» Отказывается: «Зачем на меня тратиться?» Да чем тратиться? Чаем?! Еле заставил стакан чая выпить.

А пока он у меня был, я его спросил: «Имя-то у тебя почему такое? Вроде у евреев Романов не бывает». Оказывается, и не Роман он вообще, а Абрам. По-новому его на работе называть стали: «Давай мы тебя Романом звать будем! Нам привычнее...» Он и не отказался: Роман — безопасно.

Так весь день у меня и просидел. С книжкой. А вечером поднялся и уходит собирается. «Станный ты, — говорю, — вечером же еще опасней ходить. Оставайся ночевать, раз уж так». Отказался: «Я боюсь надолго квартиру одну оставлять». И ушел. Ой, чудной!

В последний раз я услышал о Романе через полгода. Водитель автобуса, на котором мы везли в зоопарк снежных барсов, сказал:

— А я вчера ездил Романа хоронить — что вахтером у нас работал.

— Его убили?!— вырвалось у меня.

— Романа? Что ты! Своей смертью умер. С сердцем у него плохо было. Директор похороны оплатил. И мой автобус дал, на кладбище отвезти. «Я обещал», — говорит.

— Так, значит, своей смертью умер?— переспросил я водителя.

— Ну да, конечно.

Но я только покачал головой. Я-то знал, что Романа убили.

Его убили те приехавшие в Москву «семьсот тысяч боевиков».

О любви к животным

За стеклом террариума, свернувшись кольцами, спит гигантская змея анаконда. Возле нее сидит кролик. Он дрожит. Бежать ему некуда, вокруг стекло. В террариуме жарко, очень жарко, а кролик дрожит. Я видел этого кролика своими глазами, когда зашел в герпетологию (змеюшник).

Вот кольца начинают шевелиться. Скоро змея проснется. Она обовьется вокруг кролика и медленно его задушит. Медленно — чтобы не поломать кролику кости: их острые края могут поранить змею кишечник. Задушит и заглохнет.

Время от времени снаружи к стеклу приближались внимательные глаза зоопарковцев-герпетологов: как там дела. Кролик все так же сидел спиной к змее, не поворачивался. (Если не видишь — ее нет!) И дрожал.

Герпетологи бросили кролика живым на съедение анаконде вовсе не потому, что они садисты. Просто ни у кого из них не поднялась рука убить живое существо!

После герпетологии я пошел к себе. Длинная кишка коридора, по бокам комнаты сотрудников. В одной собрался народ; пьют чай и слушают рассказы Сашки-сторожила. Его в тот день тянуло на воспоминания. Я налил себе чая и присоединился к слушателям.

— Вон баба Даша идет, — говорил Сашка, кивая на улицу.

Снаружи мимо нашего окна прошла седая женщина с крупной фигурой и по-мужски широкими плечами.

— Если она какое животное невзлюбила — ему не жить, — продолжал Сашка. — Это всем известно. Помню, в зоопарке чернобурых лисиц разводили, и одна лисица бабе Даше руку прокусила, когда та корма раздавала. Ругаться баба не стала, даже посмеялась: сама, мол, виновата — руку подставила. А через неделю после того случая, смотрю (я тогда в секции задержался) — баба Даша тихо так по про-

ходу между клеток крадется. Клетки тесные, узкие были, и у животных хвосты наружу высовывались. Подкралась она к той самой лисице и сзади изо всех сил ее за хвост — дерг! Та визжать, на прутья кидаться... А баба Даша ветеринаров вызывает: «Видите? Взбесилась». Ну, лисицу тут же и усыпили. С бабой Дашей не связывайся, ее с маслом не съешь.

Раз проверку затеяли: как она птиц кормит, не таскает ли себе корм. В ее отсутствие в клетки с птицами зашли: сколько там кормов? Баба Даша, как узнала, в тот же вечер в зоопарк пришла и двум птицам, самым редким, ноги переломала. И тут же директору домой звонит: «У меня птиц покалечили!» «Кто?!» «А те, кто проверял». Так ту женщину, что проверять ходила, из зоопарка и уволили!

— Еще случай был, — продолжал вспоминать Сашка, — оленя бухарского кормили... Так спал он все. Корм принесут, а он спит. Три дня корм ему носили и воду меняли, а олень спит себе и спит. Крепко так. Так и лежал. Пока посетители в дирекцию не пришли: «Что это у вас от бухарского оленя дохлятиной воняет?» Проспали!

— А еще помню, — продолжал наш рассказчик, — северных оленей в зоопарк привезли. С ними все в порядке было, никто не болеет, не дохнет — только вот не размножаются. Их и кормили усиленно, и витамины с микроэлементами в рацион добавляли — не размножаются никак! Четыре года в зоопарке, а приплода нет. В дирекции головы ломают: может, еще какие витамины им добавить?

Так оказалось, все олени — самки. Четыре года размножали!

После чаепития я зашел в орнитологию: нужно было увидеть зоотехника. В кормовой молоденькая девушка убивала крыс. Брала их за длинный розовый хвост и сразмаху била головой о цементный пол. Одну за другой. «Хрясь. Хрясь», — раздавалось после ее ударов. Если после первого удара крыса еще жила, шевелилась, девушка с новой силой била ее головой об пол. Крысе нельзя было оставаться живой — орлы пугались. Крысы шли им на корм. А при виде живой крысы орлы шарахались, испуганно хлопая крыльями, разлетались в разные стороны, натыкались на решетку или верхнюю сетку вольеры. Бились в истерике. И наносили себе серьезные повреждения: ломали крылья, разбивали клювы. Орлы родились и выросли в неволе, в зоопарке. В зоопарке и умрут. Инкубаторские они. И очень боятся живых крыс.

Так уж случилось, что в тот день мне пришлось услышать еще одну историю. От знакомой, которую я встретил в дирекции.

«Я в карантине зоопарка тогда работала. Там каких только животных не было. Многие совсем больные. Таких усыпляли. А мне их так жалко было! Я всегда врачей просила: «Ну давайте пока не бу-

дем, давайте подождем!» Ну, у нас-то врагов животных нет, всем их-жалко. А тут еще я... Шприц откладывают: «Ладно, подождем». До моих, мол, выходных. Я после выходных приду, а половины животных уже нет.

А еще у нас был врач — решил животных током убивать. Чтобы на инъекциях сэкономить. На морской свинке испытывал: прикрутил ее за две лапки к электродам и пустил ток. А она живая. Он напряжение увеличил — все равно. Еще увеличил — живая! Вертится, визжит, одну лапку вырвала... Никак у него не получалось. Я не выдержала, убежала, чтобы не смотреть. Уж и не знаю, как он ее убил».

Встречи

— Пока не опохмелюсь — не поеду. Башка раскалывается, — сказал водитель.

Лицо у него было все в царапинах. Это он вчера жену скалкой бил (валиком для белья), и она ему лицо исцарапала.

— Что, совсем ехать не можешь? — спросил я.

— Не-а. Видишь, руки дрожат? Не знаю, как сюда доехал.

Мы стояли на платформе Ленинградского вокзала. Встречали заненских коз из Финляндии.

— Что ж, — сказал я, — пошли искать.

И мы двинулись вдоль длинного хельсинкского состава. Может, у проводников что осталось.

У проводников мы ничего не нашли, только зря время потеряли. Пришлось возвращаться в здание вокзала, и там, возле коммерческого киоска, водитель похмелился стаканом водки.

После того мы вернулись к ожидавшим нас на платформе козам. Животные с очень красивой белоснежной шерстью были упакованы в двух ящиках-клетках. Погрузили мы их в машину и поехали в зоопарк.

Я поначалу с тревогой поглядывал на водителя, но тот после выпитого стакана чувствовал себя превосходно. Глаза заблестели, на исцарапанном лице появилась улыбка, и руки уверенно лежали на баранке. Видно, дрожь прошла. Начисто.

На въезде в зоопарк, у комендатуры, нас встретил директор.

— Почему задержались? Я уже волноваться начал.

— Поезд опоздал, — соврал я.

Водитель подогнал грузовик к ветпункту и ушел, сказав мне:

— Знакомая у меня здесь. Пойду ее за сиськи подержаю.

После разгрузки коз я шёл в дирекцию. Около вольер с журавлями встретил высокую худую женщину с узким и длинным лицом. На ней — черный рабочий халат. За подол держались двое ребятешек.

«Здравствуй, Элла!»

«Здравствуй!» откликнулась она.

Элла — умственно отсталая. Зоопарк — ее опекун. Были в зоопарке и другие опекаемые, но те всё куда-то исчезли, а Элла осталась. Вспомогательную школу она закончить не смогла. На зоопарковских собраниях забивалась под сиденья. «Ты что, Элла?» «Я боюсь».

В зоопарке она кормила птиц, убирала вольеры для журавлей. Путь ее к этим вольерам шел через помойку, мимо проломов в бетонном заборе, отделявшем зоопарк от заброшенной стройки. На стройке собирались бомжи, пили; через проломы они пробирались в зоопарк, рылись на помойке.

Повстречали бомжи Эллу, затащили через пролом к себе на стройку, дали выпить... «Ты попроси у своих опекунов денег, — учили, — еще выпьем». «Я боюсь», — отвечала Элла.

Через год она родила мальчика. Опекать ребенка пришлось тоже зоопарку. Куда денешься?! Еще через год родила второго. «Ну все, если откупорили, теперь не закупоришь», — говорили зоопарковцы. Нужно было срочно принимать меры.

Меры приняли — заделали проломы в заборе, мимо которого ходила Элла. Забор стал сплошным.

И Элла перестала рожать.

Вот и желтый двухэтажный домик. На первом его этаже жили антилопы, на втором разместилась дирекция. Я поднялся на второй этаж, зашел в приемную. Там сидел, печально опустив голову, один из зоопарковских художников. Как всегда, — в пиджаке. Он никогда его не снимал, даже в самую жару. В кармане пиджака художник носил тяжелый гаечный ключ. Чтобы убивать тех, кто насилует мальчиков.

Художник постоянно слышал крики мальчиков, зовущих на помощь. Совсем рядом, за стеной! Сжимая в руке гаечный ключ, он бросался в соседнюю комнату, врвался в чужие квартиры — помочь! Однако каждый раз насильники успевали скрыться и утащить свои жертвы. Крики умолкали. Но лишь на короткое время. Вскоре он опять слышал стоны истязаемых мальчиков.

Еще художник рисовал животных. Хорошо рисовал. На его картинах они выглядели сильными и благородными. Не то что люди...

Животные не насиловали мальчиков.

Выходя из дирекции, я встретил женщину с серым, болезненным лицом. Диктор зоопарка. Передает сообщения о потерявшихся детях. На ней, несмотря на лето, — теплая вязаная шапочка. Под шапочкой, прямо на голове — сетка из проволоки. Защита от космических лучей. Её кто-то облучает из космоса. Силы Тьмы. Лишь железная сетка — спасение. Но в последнее время и она перестала помогать:

враги усилили излучение. И тогда диктор под предлогом того, что сорвала голос, перебралась в канцелярию, чтобы быть поближе к директору зоопарка. Под защиту его биополя. Высокий, усатый, кося сажень в плечах — такой человек, верила она, должен обладать мощным биополем, через которое не проникнет черное излучение. Рядом с директором женщина чувствовала себя в безопасности.

Ее приход в канцелярию вызвал недовольство и противодействие одной из машинисток — низенькой, сгорбленной. Волосы у нее иногда были скреплены в пучок на затылке, иногда просто висели седыми космами. Машинистка не хотела, чтобы кто-то прикрывался биополем директора. И без того ему, бедному, несладко приходится. Одно общение с иностранными делегациями чего стоит! После каждого посещения зоопарка иностранцами машинистка находила оставленные ими черные экраны, обладающие губительным воздействием на живые существа. Около зебр, у львятника, у очковых медведей — везде она находила черные экраны! Она знала, что иностранцы — это Враги, Служители Черных Сил. Но она не даст им погубить животных. И директора! Машинистка-экстрасенс вслед за делегациями ходила по зоопарку, останавливалась у вольер с животными, где, как ей казалось, после иностранцев остались черные экраны, вытягивала руки и, испуская потоки светлой энергии, уничтожала эти экраны. Потом возвращалась в канцелярию и защищала дирекцию. Особенно тщательно она очищала от черной энергетики кабинет директора. А когда директор был с иностранцами, беседовал с ними, она усилием мысли создавала вокруг него защитную оболочку синего цвета, непроницаемую для вредных излучений. Пока она рядом, никто ее директору плохого не сделает!

А он и не знает... Любимый!

В конце того же дня мне нужно было взять журавлей в аэропорт. Водитель был тот же самый, но совсем пьяный — где-то добавил.

Я тоскливым взглядом обвел гараж. Других машин не было, все в разъездах. А ехать надо: самолет через три часа — еле-еле впритык.

Водитель, шатаясь, шел к машине.

А мимо гаража проходил заместитель директора. Он видел, как водитель садился в кабину: с третьей попытки залез. Заместитель подошел ко мне.

— Водитель-то у тебя совсем пьян, — сказал он. — Я тебе так сочувствую!

И пошел дальше.

Я проводил его взглядом. Потом сел в машину.

— Поехали, — сказал я водителю. — В аэропорту похмелишься!

Синяя Птица

Оказывается, Синюю Птицу — Птицу Счастья — больше не надо искать. Она найдена. И содержится в зоопарке. Небольшая птица с синим отливом сидит в клетке и клюет зернышки. И на клетке табличка с надписью «Синяя Птица». Только неказистая она, эта птица — совсем обычная.

Какая птица, такое и наше счастье. Другого не бывает. Приезжайте в зоопарк, сами убедитесь.

А мои знакомые, которым я показывал зоопарк, на Синюю Птицу и внимания не обратили. Зато их очень заинтересовал черный-пречерный ворон из соседней клетки. «Хорош! Как из фильма». (Все помнили мистический триллер «Ворон»). «Смотрите, вон еще один!»

Как раз по бокам Синей Птицы, в своих персональных клетках, сидели два ворона. Словно два черных стража.

Минусы и плюсы

Режиссер сказала:

— Животные в клетках — это минус. Сотрудники зоопарка, по жизни, — тоже минус...

— В каком смысле? — не понял я.

— А в том, — продолжала женщина, — что их любовь к животным — не от хорошей жизни. Ведь в зоопарке, не обижайтесь на откровенность, работают люди обделенные: когда умом, но чаще, как я поняла, — человеческим теплом. Что-то в их жизни не так: или в семье, или в общении с другими трудности. То, в чем отказали люди, они нашли у животных — у кошек, собачек, птичек. Животные не ударят, не оскорбят. С животными легче, чем с людьми. Потому обделенные и приходят работать в зоопарк: ищут у зверей тепла, в котором отказали люди.

«Что ж, все правильно», — подумал я, молча смотря на мою собеседницу, очень милую женщину с чуть раскосыми глазами — режиссера-кинодокументалиста. Ее студия уже сняла документальные фильмы о морге и женском вытрезвителе. Теперь решили делать фильм о зоопарке. Готовясь к съемкам, режиссер беседовала с зоопарковцами, собирала материал. Добралась и до меня.

— Вы огорчены? Что я так про зоопарк, — с сочувствием спросила женщина. — Не бойтесь, все не так плохо. Животные — это минус. Потому что в неволе. И сотрудники — тоже минус. А в зоопарке эти минусы множатся, и получается один большой плюс. Вот об этом я и хочу снимать фильм. Ещё пояснить?

— Поясните, — разрешил я.

— Все очень просто. Служители зоопарка, общаясь с животными, получают тепло, которое не могут получать, как все остальные, от

других людей. И в ответ сами дарят тепло животным. Получают и отдают. Постоянный обмен теплом между людьми и животными. Минусы превращаются в плюсы. Вы качаете головой? Не согласны?

— Про минусы вы верно сказали. Только вот плюсов я не вижу. Зоопарк — ещё один минус. И он вовсе не согревает людей. Он их консервирует. Какие были у человека недостатки, такие и останутся. Вместо того чтобы пытаться в себе что-то изменить, преодолеть барьеры отчуждения между собой и остальными, зоопарк позволяет ничего не менять. Не приближает к людям, а отдаляет от нормального человеческого общения. Смиряет с тем, что есть.

— Ну, это слишком абстрактно, — откликнулась режиссер.

— Согласен, абстрактно. Тогда лучше я вам расскажу несколько конкретных историй.

И я рассказал ей про зоопарк. То, что тут написано, — мой рассказ.

Признание вне призвания

Женщина слушала молча, только с каждой новой историей все больше мрачнела. Видать, её концепция рушилась.

— Послушайте, — сказала она, — если дела так обстоят, если вы всё про зоопарк так поняли, почему не уйдете? Судя по тому, что вы мне рассказали, свою работу перевозчика животных вы ненавидите, считаете ненужной и бессмысленной. А сами возите и возите животных. Ездите и ездите по аэропортам. Одуреть можно! Простите, если я резко, но я не могу вас понять. Вы рассказали, как вместо свидания с девушкой поехали встречать тигров. Вам эти тигры так дороги. Дороже свидания? Вас могли уволить? Да самому надо было уйти! Ведь ваша зарплата немногим больше пособия по безработице. Неужели в другом месте не заработаете?

— Я не могу уйти из зоопарка, — сказал я.

— Почему?

— Директор похоронить обещал.

Оглавление

Поездка.....	1
Медведь	4
Гепард.....	5
Манулы.....	7
Вахтер Роман.....	10
О любви к животным	13
Встречи.....	15
Синяя Птица.....	18
Минусы и плюсы	18
Признание вне призвания	19

